

А.А. Шиян

СМЫСЛ КАК ПРЕДМЕТНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Шиян Анна Александровна – кандидат философских наук, доцент. Российский государственный гуманитарный университет. Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; e-mail: annasamoikina@yandex.ru

В центре внимания статьи – понятие смысла в феноменологии Гуссерля. Автор указывает на наличие разных интерпретаций «смысла» в феноменологии и подробно останавливается на той, которая созвучна теме данной панельной дискуссии. В связи с этим автор обращается к введению понятия смысла как ядра ноэмы в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». В соответствии с выбранной стратегией интерпретации, смысл – это предмет, рассмотренный в феноменологической установке, т.е. предмет с точки зрения его данности сознанию. То есть «смысл» и «предмет» содержательно означают одно и то же. С феноменологической точки зрения воспринимать предметно и означает воспринимать осмысленно. В статье выделяются особенности так понимаемого смысла, к которым относятся прежде всего целостность и соотносительность с тем содержанием, которое уже есть в сознании. Автор обращает особое внимание на то, что под смыслом как предметной целостностью могут пониматься не только материальные вещи, но и отношения, процессы, положения дел и т.п. Задачей феноменологии является их исследование и обоснование. Это исследование может осуществляться в рамках теоретико-познавательного подхода, в котором на первый план выходят выявление условий возможности смыслов как знания и определение их истинности.

Ключевые слова: смысл, предмет, феноменология, сознание, данность, целостность

Для цитирования: Шиян А.А. Смысл как предметная целостность: феноменологический подход // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 2. С. 33–39.

Понятие смысла является одним из важнейших и загадочных в феноменологии Э. Гуссерля. Как многие ключевые понятия феноменологии, оно допускает множество толкований и интерпретаций. Эта множественность интерпретаций феноменологических понятий, как, впрочем, и многообразие толкований самой феноменологии, является, по мнению ученика и последова-

теля Гуссерля О. Финка¹, отличительной чертой любой большой философии, которая стимулирует развитие мысли последующих поколений. В данной статье я подробнее остановлюсь на интерпретации смысла в рамках гуссерлевской феноменологии, которая мне представляется наиболее актуальной в свете проблемы, заявленной в нашей панельной дискуссии.

Впервые Гуссерль ведет речь о «смысле», или «значении» (у Гуссерля они обычно выступают как синонимы), в «Логических исследованиях». Однако точную фиксацию своего понимания термина «смысл» Гуссерль дает в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»² в рамках изучения трансцендентально-чистого сознания. Для этого он совершает трансцендентальные эпохэ и редукцию, в силу которых мир «заключается в скобки» и все его предметности рассматриваются уже как корреляты сознания. Гуссерль различает сам акт сознания, который называет «ноэзисом», и коррелятивное содержание этого акта, обозначая его как «ноэму». Смысл – это ядро ноэмы, которая помимо смысла (предметных характеристик) включает указание на типы полагания предмета (как существующего в действительности, в возможности, в фантазии и т.п.). В некотором приближении можно отождествить смысл и ноэму, что и делается во многих феноменологических исследованиях.

Несмотря на, казалось бы, наличие определения ноэмы и ее смысла, понятие смысла остается, на мой взгляд, все-таки оперативным, т.е. недостаточно проясненным, вследствие чего в феноменологической литературе не стихают дискуссии о статусе ноэмы и смысла. Так, в американской феноменологии второй половины XX в. разгорелся спор о том, можно ли ноэму считать предметом или нет³. Отвлекаясь от всех хитросплетений и тонкостей этих споров, отметим только, что одна группа философов (Х. Дрейфус, А. Смит, Д. Фоллесдаль и др.), сторонники так называемой интерпретации Западного побережья (США), считали, что ноэма – это посредник, с помощью которого акт направлен на предмет. Дрейфус, например, подчеркивал, что Гуссерля больше интересует не сама действительность, а анализ смысла. Феноменологическая редукция в этом случае понимается как некая форма интроспекции. Сторонники же интерпретации Восточного побережья (Р. Соколовски, Дж. Драммонд, Дж. Харт и др.) утверждали, что ноэма есть сам предмет, рассмотренный с точки зрения его данности сознанию. Исходя из этой интерпретации, предмет и ноэма считаются содержательно одним и тем же, но только рассматриваются под разными углами зрения: повседневным и феноменологическим. На феноменологическом языке ноэма есть то, как предмет интендирован в сознании. Соответственно, нельзя сказать, что гуссерлевская концепция интенциональности игнорирует действительность.

Прежде, чем занять свою позицию в этом споре и обосновать ее, хотелось бы обратить внимание на то, что для Гуссерля характерна определенная неоднозначность и отчасти взаимозаменяемость терминов «смысл» и «предмет» даже в рамках одной работы, которые тем не менее, как представляется, не являются содержательной путаницей. Это дает право пред-

¹ Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. М., 2008. С. 379–380.

² Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М., 2009. С. 292.

³ Подробнее об этой дискуссии см.: Zahavi D. Husserls Phänomenologie. Tübingen, 2009. S. 55–72.

ставить мне свою линию интерпретации гуссерлевского смысла, не пускаясь (ввиду отсутствия места) в выяснение терминологических тонкостей. Учитывая это и солидаризируясь с интерпретацией Западного побережья, а также с позицией Д. Захави и ряда других исследователей, я считаю, что в рамках феноменологии Гуссерля смыслами можно, с определенными оговорками, назвать предметы, которые даются нам в опыте сознания. Соответственно, воспринимать мир предметно означает воспринимать мир осмысленно. Иначе говоря, то, что мы видим конкретные, определенные предметы как такие-то и такие-то, означает, что нам даны смыслы (на мой взгляд, для отличия их от смыслов знаков точнее было бы сказать «предметные смыслы»). Именно это свойство сознания Гуссерль назвал интенциональностью, направленностью на предмет, который при этом может быть трансцендентным сознанию. Причем сознание, по убеждению Гуссерля, направлено на предмет, минуя посредников в виде любого типа ментальных образов. С подобными теориями отражения Гуссерль боролся на протяжении всего творчества, начиная с «Логических исследований» и заканчивая «Кризисом европейских наук и трансцендентальной феноменологией». Восприятие предметов внешнего мира выступает в феноменологии Гуссерля в качестве особого модуса сознания, в котором предметы могут быть даны так, как они существуют в окружающей действительности. Эта возможность является потенциальной и вряд ли достижимой практически, однако даже в своей потенциальности она является сущностно важной для феноменологии, так как является одним из путей реализации девиза феноменологии «К самим вещам!».

Здесь встает закономерный вопрос: зачем нужна феноменологическая редукция, которая включает действительность «в скобки» и после осуществления которой мы рассматриваем любые предметности как корреляты сознания? Редукция и эпохэ считаются одними из основных методов феноменологии Гуссерля и нередко выступают в качестве маркеров феноменологической методологии. Однако они могут пониматься различным образом в зависимости от целей конкретного исследования. Не случайно Финк отнес эти термины к «оперативным понятиям» феноменологии Гуссерля, т.е. таким, которые недостаточно прояснены. Однако можно выявить общую черту редукции и эпохэ, которая имеется в любом их применении: фиксация предмета и предпосылок исследования. То же, что мы будем делать с этими предпосылками, определяется целью исследования. Так, в случае внешней действительности, предметности, которые мы (в качестве предпосылки) полагаем существующими, не отбрасываются, а, наоборот, фиксируются в качестве предмета изучения. «Говоря образно, все заключенное в скобки отнюдь не стерто с доски феноменологии, – оно лишь заключено в скобки, и не более того, а это значит, снабжено определенным индексом. Но, снабженное индексом, оно остается главной темой научного исследования»⁴, – пишет Гуссерль.

Особенностью так понимаемого смысла является его конкретность и целостность. Предметы в качестве смыслов даны нашему опыту сознания как некая целостность. Мы воспринимаем стол как стол, хотя непосредственно видим только его переднюю часть, мы не складываем предмет

⁴ Гуссерль Э. Указ. соч. С. 226.

из суммы тактильных ощущений, ощущений цвета, запаха, звука⁵, но он предстает перед нами как некое единство – «единство смысла». Не случайно феноменология Гуссерля являлась философским основанием гештальт-психологии, исходившей из целостного восприятия предметного образа. В отношении материальных предметов целостность смысла означает единство материи и нематериального содержания. В свете этого единства нельзя сказать, что мы сначала видим предметы, а потом придаем им смыслы⁶; это происходит одновременно. Соответственно, с этой точки зрения, вопрос Г.Г. Шпета – русского ученика Гуссерля – о том, как от смысла нозмы перейти к смыслу предмета⁷, не является корректным, если речь идет об интенциональном предметном смысле, и выходит за рамки феноменологии, если речь идет о предмете как таковом, вне рамок нашего опыта.

Обращаясь к теме панельной дискуссии, хотелось бы отметить, что тот факт, что Гуссерль понимает смысл как предмет в его данности, еще не означает, что мы находимся в рамках субстанционального мышления. Несмотря на то, что Гуссерль вводит понятие смысла на примере восприятия материальной вещи, предмет в рамках его феноменологии может пониматься предельно широко. Предмет есть то, на что направлено наше внимание, и, исходя из этого понимания, в качестве предмета может выступать не только материальная вещь, но и отношения, процессы, идеальные сущности, сущностные взаимосвязи и т.п. Именно поэтому А. Метцгер – один из участников гуссерлевского «Ежегодника по феноменологической философии» – рассматривал феноменологию Гуссерля как учение о разных типах предметов⁸. Например, исследуя суждения, Гуссерль в качестве их предмета рассматривает «положения дел». Причем различает субъектно-предикатные суждения типа «S есть P», суждения о существовании и суждения с различными пропозициональными (внешними) модальностями⁹. Гуссерль также исследует идеальную предметность, например предметность математики, всеобщие сущностные отношения и т.д. Причем в его опубликованных работах каждому типу суждений посвящен, как правило, отдельный раздел, и ни о каком сведении всех суждений к субъектно-предикатной форме речи не идет. Важной чертой гуссерлевского понимания смысла является то, что акт данности смысла имеет также некоторое подразумеваемое содержание, к которому относится смысл. В первом «Логическом исследовании» Гуссерль обозначает это различие как различие акта суждения, его значения, или смысла, и предмета суждения. Например, суждения «Победитель при Йене» и «Побежденный при Ватерлоо» имеют разный смысл, но один предмет – Наполеона. В первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль при исследовании восприятия вещей вводит некий X, к которому относятся все предметные характеристики нозмы (т.е. смысла). Воспринимая яблоню (любимый пример Гуссерля) с разных позиций,

⁵ Подобная интерпретация феноменологии Гуссерля также возможна, если исходить из его схемы «гиле – морфе», но которая практически исчезает из его поздних работ.

⁶ Хотя используемый Гуссерлем термин *Sinngebung* (смыслопридание) может ввести в заблуждение, но это тема отдельной дискуссии.

⁷ *Shpet G.G.* Явление и смысл. Томск, 1996. С. 131.

⁸ *Metzger A.* Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstands // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung.* 1925. Bd. 7. S. 613–770.

⁹ См., например: *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Hamburg, 1999. S. 325–374.

в разные моменты времени, мы понимаем, что все данности яблони принадлежат к одной и той же яблоне, и даже если мы что-то не разглядели, мы компенсируем это, вписывая соответствующие детали в общее представление о яблоне, которое у нас уже есть где-то в недрах сознания. Во избежание терминологической путаницы, связанной с гуссерлевским употреблением слов «смысл», «предмет», «значение» в разных контекстах, можно следующим образом сформулировать структурную особенность интенционального акта: интенциональный акт характеризуется данным содержанием (смыслом или значением) и подразумеваемым содержанием (в первом «Логическом исследовании» Гуссерль называет это предметом)¹⁰.

Можно сказать, что феноменологические исследования начинаются с фиксации смыслов, или предметных данностей сознанию. При этом нельзя сказать, что смыслы даются только феноменологически очищенному трансцендентальному сознанию в феноменологической установке. Смыслы являются данностью естественного сознания (и повседневного, и научного), но в естественной установке они не тематизируются как смыслы. Тематизация происходит только в феноменологической установке, исходящей из того, что существует в естественной установке. И тогда задачей феноменолога является исследование и обоснование существующих в повседневной и научной жизни смыслов. Задачей же разворачивания смыслов и вписывания их в более широкий контекст существующего за границами непосредственного опыта занимается, например, герменевтика.

Гуссерлевское исследование предметных смыслов во многом осуществляется в рамках теоретико-познавательного подхода. Тогда смыслы, с которыми мы имеем дело в естественной установке, выступают в качестве знания, которое требует своего обоснования. Следуя Канту, Гуссерль выявляет условия возможности знания и познания, т.е. условия его всеобщности и необходимости, и формулирует в шестом «Логическом исследовании» критерии истины, состоящие в соответствии данности предметов (смыслов) тому, что существует. К условиям возможности познания относятся гуссерлевские исследования формального и материального априори, а также всеобщих структур сознания. Эти выявляемые Гуссерлем условия вполне подходят для предметных смыслов любого типа, в том числе и для процессов. Что же касается критериев истины, то, не останавливаясь подробно на этой теме, важно отметить, что они вводятся Гуссерлем для достижения истины по отношению к материальным предметам (вещам) и переживаниям сознания. Но если особое внимание Гуссерля к истинности предметных смыслов, данных нам в восприятии материальных вещей, подтверждает тезис о преимущественно субстанциональном характере европейского мышления, то сосредоточенность Гуссерля на переживаниях сознания, кажется, в этот тезис не вписывается. Сознание в феноменологии рассматривается как нечто принципиально не субстанциональное, что требует совершенно иного описания, чем описание предметов действительного мира. Насколько Гуссерлю это удалось – тема дальнейших дискуссий. Сама проблема описания процесса как чего-то субстанционального и выявление условий возможности его

¹⁰ См. подробнее: Шиян А.А. Структура интенционального акта как структура опыта сознания (К прояснению понятия интенциональности в феноменологии Эдмунда Гуссерля) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 60–69.

познания особенно остро ставится в XX в., а в XXI в. уже складывается понимание, что для ее решения будет плодотворно обращение к мышлению других, неевропейских культур.

Список литературы

- Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Академический проект, 2009. 489 с.
- Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля / Пер. с нем. А.А. Шиян; ред. В.И. Молчанов // Ежегодник по феноменологической философии. М.: РГГУ, 2008. С. 361–380.
- Шиян А.А. Структура интенционального акта как структура опыта сознания (К прояснению понятия интенциональности в феноменологии Эдмунда Гуссерля) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 60–69.
- Шнем Г.Г. Явление и смысл. Томск: Водолей, 1996. 192 с.
- Husserl E. Erfahrung und Urteil. Hamburg: Meiner, 1999. 478 S.
- Metzger A. Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstand // Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung. 1925. Bd. 7. S. 613–770.
- Zahavi D. Husserls Phänomenologie. Tübingen: Mohr Sirbeck, 2009. 165 S.

Sense as an objective integrity: a phenomenological approach

Anna A. Shiyan

Russian State University for the Humanities. 6 Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russian Federation; e-mail: annasamoikina@yandex.ru

The article focuses on the concept of sense in Husserl's phenomenology. The author points to the presence of different interpretations of "sense" in phenomenology, and dwells in detail on the one that is consonant with the theme of this panel discussion. In this regard, the author refers to the introduction of the concept of sense as the core of the noema in the first book of "Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy". In accordance with the chosen interpretation strategy sense denotes an object considered in a phenomenological attitude, that is, an object from the point of view of its givenness of consciousness. This means that the meaning and the subject meaningfully sense the same thing. From a phenomenological point of view, to perceive objectively means to perceive meaningfully. The article highlights the features of this concept of sense, which primarily include integrity and correlation with the content that already exists in consciousness. The author pays special attention to the fact that sense, as an objective integrity, can be understood not only material things, but also relationships, processes, states of affairs, etc. The task of phenomenology is to fix the sense, their justification and research. This research can be carried out within the framework of a theoretical cognitive approach, where the identification of the conditions for the possibility of sense as knowledge and the determination of their truth come to the fore.

Keywords: sense, object, phenomenology, givenness of consciousness, reality, integrity

For citation: Shiyan, A.A. "Smysl kak predmetnaya tselostnost': fenomenologicheskii podkhod" [Sense as an objective integrity: a phenomenological approach], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 2, pp. 33–39. (In Russian)

References

- Fink, O. "Operativnyye ponyatiya v fenomenologii Gusserlya" [Operational concepts in Husserl's phenomenology], trans. by A.A. Shiyani, ed. by V.I. Molchanov, *Yezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii* [Annual for Phenomenological Philosophy]. Moscow: RGGU Publ., 2008, pp. 361–380. (In Russian)
- Husserl, E. *Erfahrung und Urteil*. Hamburg: Meiner, 1999. 478 S.
- Husserl, E. *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii* [Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy], Book I, trans. by A.V. Mikhailov. Moscow: Akademicheskii proekt Publ, 2009. 489 pp. (In Russian)
- Metzger, A. "Der Gegenstand der Erkenntnis. Studien zur Phänomenologie des Gegenstand", *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung*, 1925, Bd. 7, S. 613–770.
- Shiyani, A.A. "Struktura intentsional'nogo akta kak struktura opyta soznaniya (K proyasneniyu ponyatiya intentsional'nosti v fenomenologii Edmunda Gusserlya)" [The structure of the intentional act as the structure of the experience of consciousness (On the clarification of the concept of intentionality in the phenomenology of Edmund Husserl)], *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* [Scientific notes of Crimean Federal V.I. Vernadskiy University. Philosophy, Political science, Cultural studies], 2018, Vol. 4 (70), No. 2, pp. 60–69. (In Russian)
- Shpet, G.G. *Yavleniye i smysl* [Appearance and Sense]. Tomsk: Vodoley Publ., 1996. 192 pp. (In Russian)
- Zahavi, D. *Husserls Phänomenologie*. Tübingen: Mohr Sirbeck, 2009. 165 S.